

ДЖУДИТ АЙВОРИ

СПЯЩАЯ
КРАСАВИЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

А36

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Judith Ivory

SLEEPING BEAUTY

Перевод с английского *И. Е. Архиповой*

Компьютерный дизайн *С. П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и
литературных агентств

The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Айвори, Джудит.

А36 Спящая красавица : [роман] / Джудит Айвори ;
[пер. с англ. И. Е. Архиповой]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2015. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-093892-6

У ног сэра Джеймса Стокера, бесстрашного и неот-
разимого искателя приключений, лежал весь лондон-
ский свет. Любая из светских львиц с удовольствием
стала бы его возлюбленной — но он, не желавший лег-
ких побед, захотел покорить сердце неприступной Ни-
коль Уайлд, женщины, которая имела все основания не
доверять мужчинам.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Judith Ivory, Inc, 1998

© Перевод. И. Е. Архипова, 2000

ISBN 978-5-17-093892-6

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Часть 1

Счастливое королевство

Глава 1

Следует помнить, что Спящая красавица была на сто лет старше принца. Она принадлежала к другой эпохе.

*Из предисловия к переводу
«Спящей красавицы»,
Лондон, 1877 год.*

Лондон

Джеймс Стокер, или, как он поправлял себя самого в последнее время, — сэра Джеймса Стокера, с трудом пробирался между лошадьми и экипажами. Наконец, перепрыгнув через очередную лужу, он пересек оживленную лондонскую улицу. Едва Джеймс ступил на сухой тротуар, как проезжавшая мимо карета обдала его грязью. Его ноги оказались забрызганными, а полы пальто и обшлага брюк моментально промокли. Джеймс старательно отряхнулся, а затем продолжил путь. День для весны был прохладным, так что он чувствовал себя довольно неудобно в сырой обуви. Но даже это обстоятельство не смогло вывести его из равновесия.

Все те тридцать шесть дней, что Джеймс пребывал в Англии, он каждое утро просыпался в приподнятом

настроении. В последнее время он был настолько возбужден, что порой опасался за свой рассудок. Ибо Джеймс, в известной степени искушенный в житейских делах человек, считал, что недопустимо появляться на людях с глупым выражением лица. А между тем жизнь его в настоящий момент текла слишком благополучно, хотя не так давно все обстояло совсем иначе. Так что Джеймс высоко ценил благосклонность фортуны.

Действительно, ему крупно повезло. Главное — то, что он остался жив, хотя еще месяц назад мог побиться об заклад, что этого не случится. Сейчас он поселился в таких апартаментах, о которых раньше и мечтать не мог. Кроме того, Джеймс вернулся на родину героем: три дня назад королева Виктория собственноручно возвела его в рыцарское звание. Он с упоением подписывался в то утро: «Сэр Джеймс Стокер, кавалер ордена Бани». Орден Бани не какая-то там заурядная награда — королева по достоинству оценила его заслуги.

За последний месяц ему назначили щедрое содержание, сулившее постоянный доход, он удостоился трех различных наград и был избран большинством голосов проректором колледжа Всех Святых в Кембридже. Он становился самым молодым проректором за последние сто лет. Но самым приятным было то, что Джеймса назначили председателем правления университетского финансового совета и сделали заместителем президента университета. Перед Джеймсом открывалось блестящее будущее: возможно, когда-нибудь и он станет президентом университета.

А Джеймс был честолюбив. Он покинул Англию ради карьеры, много выстрадал, чуть не погиб. И те-

перь вернулся, чтобы получить все, чего так страстно желал: после всех его стипендий, жалований, наград, дивидендов за научную работу и назначений — скромный кусочек власти. А также достаточно денег для того, чтобы сменить гардероб, кухарку (он не мог больше выносить обедов своей прислуги), завести первоклассных лошадей и купить маленький спортивный экипаж, который как-то попался ему на глаза. Прекрасная вещь — с красными ступицами и медными спицами колес!

Джеймс был на седьмом небе. Он с некоторой долей смущения упивался славой, нежился в ее лучах. Он ликовал, наслаждаясь прелестью новизны.

В настоящий момент молодой человек, напевая про себя, изучал номера домов. Он остановился перед надписью, гласившей: «Мистер Джон Лимпет — дантист, мужской парикмахер и нотариус». Вывеска висела под козырьком двухэтажного дома. Это было как раз то, что нужно. Джеймс поднялся по ступеням дома, выглядевшего весьма прилично: свежеекрашенный, с чистыми стеклами окон, с цветочными ящиками, красневшими геранью под каждым окном. Деревянная ручка сияла начищенной медью, как и дверной молоток, за который Стокер взялся, чтобы постучать.

Толстая и приземистая, почти квадратная, женщина впустила его и, извинившись, проводила в приемную: любезный мистер Лимпет занят с другим клиентом («Жертвой», — подумал Джеймс), так как записываться необходимо заранее.

Стокер очутился в небольшом помещении, возможно, некогда здесь располагался кабинет. Он сбросил свое пальто — старомодная, но чистая и удобная комната прогрелась от полуденного солнца — и при-

сел у окна, разглядывая обстановку. Вдоль стены стоял ряд стульев. Над ними в живописном беспорядке теснились миниатюры. На всех были изображены цветы. На расстоянии они смотрелись неплохо, возможно, оттого, что их умело развешали.

Позже, осмотревшись повнимательнее, Джеймс понял, что находится в приемной не один: он заметил женщину, сидевшую напротив него в дальнем углу, из которого доносились чуть приглушенные рыдания, смешанные с икотой.

— С вами все в порядке? — поинтересовался он.

Женщина кивнула, затем махнула мятым платком и покачала головой, давая понять, что на нее не стоит обращать внимания.

Стокер постарался вежливо игнорировать ее, продолжая разглядывать миниатюры, тем более что именно этого она, как ему показалось, и добивалась. Затем перешел к осмотру вазы с гвоздиками, стоявшей на этажерке. Но всхлипывания женщины мешали ему сосредоточиться. Джеймс увидел, что она держится за щеку.

— Зубы? — поинтересовался он из вежливости.

Женщина кивнула, шмыгнув носом.

— Болят?

Она снова утвердительно кивнула.

— Что ж, вы пришли по верному адресу, — подбодрил ее Джеймс.

Однако это не помогло. Дама опять кивнула, а затем снова принялась молча плакать. Ее плечи вздрагивали, хотя она старалась держать себя в руках. Джеймс встал, пересек комнату и присел рядом с ней.

— Вот. — Он протянул свой сухой носовой платок, так как ее совершенно вымок. — Какой зуб? — спро-

сил он так, словно эта информация могла для него что-то значить.

Она осторожно коснулась двумя пальцами левой щеки, показав на задний зуб.

— О, подождите... — Джеймса неожиданно осенило.

Он полез в карман своего пиджака и достал оттуда табакерку, которую носил с собой уже несколько месяцев, затем открыл серебряную крышечку, чтобы показать, что табака там нет.

— Гвоздика, — пояснил он. — Я повредил зуб несколько месяцев назад: отломил кусок и расшатал его. Меня это очень расстроило, но мои друзья нашли выход. Надо положить две-три гвоздики вокруг зуба, и боль утихнет.

Женщина посмотрела на него с недоверием. На ее прелестном лице, которое не портила даже припухлость от слез, выделялись темные глаза с густыми, длинными ресницами. Через мгновение она потянулась за его сокровищем и довольно изящно достала своими пальчиками две гвоздики, положила их в рот, затем склонила голову, стараясь получше пристроить их языком на место. Она улыбнулась и пробормотала из-под платка:

— Благодарю.

«Довольно странное произношение», — подумал Стокер.

Действительно, женщина не походила на англичанку. Она была слишком модно одета. Джеймс предположил, что его новая знакомая приехала с континента — одна из тех дам-космополиток, у которых есть деньги, время и вкус, чтобы совместить все — от особой ухоженности до эффектной экстравагантности.

Темные волосы, спрятанные под маленькую меховую шляпку, выглядели почти черными. Ее платье было из темно-зеленого бархата, отделанное по воротнику и манжетам темным гладким искрящимся мехом. На коленях у нее лежали замшевые перчатки в тон. Наряд сидел на ней безупречно — не в обтяжку, но отлично подогнанный.

Она глубоко вздохнула, затем отняла платок от лица. Незнакомка была очень мила — стройная и хорошо сложенная, с приятным выражением лица. Из-за мелких черт ее глаза казались очень большими. Эти бездонные, почти черные озера загипнотизировали Джеймса. Женщина прошептала:

— Немного легче.

Ее английский был так хорош, что невозможно было определить, откуда она родом. Но дама определенно была иностранкой. Джеймс предположил, что француженка, но возможно, и итальянка.

— Гвоздичное масло, — объяснил он, — вызывает онемение. Через минуту вам станет лучше.

Женщина опустила глаза.

— На самом деле я плакала не от боли. — Она попыталась улыбнуться. — зуб плохой, мистер Лимпет только что сказал, что его надо удалить.

Джеймс пожал плечами — такие вещи не редкость.

— Что ж, вы почувствуете облегчение, после того как избавитесь от него.

Незнакомка кивнула.

— Мне страшно.

Джеймс удивился: она была достаточно самоуверенна, чтобы заговорить с первым встречным и рассказать о своих страхах.

— Очень больно не будет, — предположил он. — Мистер Лимпет может дать вам веселящий газ. Вы и не почувствуете, как все произойдет.

— Но меня пугает не то, что зуб удалят...

— Тогда что же?

Она ответила так, словно ее слова что-то объясняли:

— На следующей неделе мне исполняется тридцать семь.

Незнакомка была на семь лет и восемь месяцев старше Джеймса. Однако по ней этого не скажешь. В молодой женщине угадывалась какая-то безмятежность, весьма редкое качество, — между тем она сидела перед ним, комкая в руках мокрый от слез платок. В ее манере держаться недоставало сдержанности и изысканной скромности, отличавшей аристократок.

Ее милые, приветливые глаза улыбались, губы приоткрылись, обнажив белые зубы исключительной красоты.

— Да, — спокойно произнесла она. — Мне все лучше и лучше! О, благодарю вас! Я так рада. Мой зуб действительно успокоился. Я сегодня пришла для того, чтобы мистер Лимпет сгладил и отполировал край. Я должна была сделать это давно, но он изранил мне весь рот.

Джеймс протянул ей серебряную табакерку, наполненную гвоздикой:

— Возьмите. Возможно, вам это еще понадобится. Возможно, зуб пройдет сам по себе. Такое ведь случается.

Ее пальчик закрыл крышку.

— Благодарю, я ценю ваш жест. Мне приятно, что вы подарили мне свою гвоздику. — Она продол-

жила совершенно искренне: — Видите ли, я никогда не удаляла зубы. Кажется, что становишься... — она запнулась, потупившись, — беззубой, старой каргой.

Женщина засмеялась, Джеймс тоже. Ее беспокойство было смехотворным. Все еще улыбаясь, дама протянула ему свою руку — жест, нехарактерный для англичанок. Из мехового манжета узкого рукава показалось запястье. Джеймсу потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, для чего она ему ее протягивает. Затем Стокер прикоснулся к ее прохладным пальцам и поцеловал их.

— Миссис Уайлд, — представилась она, затем отняла руку с достоинством королевы. — Обычно я не представляюсь незнакомым мужчинам после нескольких секунд знакомства, но... — Она снова рассмеялась. Женщина, которая так много смеется, всегда немного переигрывает. — Но вы только что спасли мой зуб... — Она на мгновение замолчала, затем на лице ее расцвела приятная улыбка, и она продолжила с такой серьезностью, что Джеймс даже опешил: — Я вам так признательна! — Подавшись вперед, миссис Уайлд на мгновение сжала его руку, затем отодвинулась. — Боль прошла. Вы так умелы и изобретательны.

— А мистер Уайлд? — спросил Джеймс. Он уже успел скользнуть взглядом по ее руке в поисках обручального кольца — его там не было. — Похоже, он англичанин в отличие от вас.

— Мой муж был англичанином. Прошло почти два года с тех пор, как он умер.

— О! — Джеймс постарался не подать вида, как его обрадовало данное обстоятельство.

— По происхождению я француженка. Мы жили за границей. Я приехала сюда всего несколько месяцев назад.

Джеймс кивнул.

— Сэр Джеймс Стокер, — представился он, пытаюсь скрыть самодовольство. Если она читает газеты, то должна знать его имя.

Однако Джеймса ждало жестокое разочарование: на ее лице ничего не отразилось.

— И что вы затеваете в Англии, мистер Стокер? — спросила она. — Отчего вы так счастливы?

— Счастлив?

— Да. Вы просто переполнены радостью сегодня. Дайте подумать, — поддразнивала она его. — Полагаю, вы только что сделали предложение девушке вашей мечты и она приняла его.

Джеймс вздернул одну бровь и рассмеялся. С недавнего времени его расположения добивалось огромное количество семейств. И ему надо спешить, если он хочет найти девушку своей мечты. Было столько забавных ситуаций: за ним даже ухаживали.

— Ах, кажется, я ошибаюсь. В таком случае, — отважно заявила миссис Уайлд, — должно быть, та женщина, которую вы безнадежно желаете, наконец-то разрешила вам прийти — поздравляю.

Джеймс хмыкнул:

— Теплее. Я только что вернулся из Африки и никогда — слышите, никогда! — не поеду туда снова. Африка отпустила меня. И я очень рад. — Он на мгновение прервался, удивившись своей откровенности. Эти слова не походили на те, которые он обычно подбирал, описывая благоприятное стечение обстоятельств в своей судьбе.

Позже Джеймс понял, почему так разоткровенничался. Миссис Уайлд глубокомысленно покачала головой и с серьезным выражением вздернула брови.

— В самом деле? — спросила она. — Для меня это тоже не континент. Я слышала, там живут дикие племена. Там вас могут и съесть. Эти люди обычно заставляют своих пленников сражаться со львом или леопардом.

Они дружно посмеялись над этой романтической чепухой. Но Джеймс почувствовал раздражение: она симпатизирует ему, считает три года, проведенных им в Африке, благородным, отважным приключением, однако это не так. Он сказал:

— Да, я даже не могу передать вам, как счастлив, что могу каждую ночь спать далеко-далеко от этих мелеющих рек, наполненных пиявками, от пустынь с плюющимися верблюдами. И я испытываю огромное облегчение от того, что нахожусь на недосягаемом расстоянии для комаров и летучих мышей.

Мыши! О Всевышний! Как приятно забыть об этой вопящей и смердящей порхающей массе из костей и меха. Он никогда прежде не рассказывал о летучих мышах, которые в бесчисленных количествах висели на деревьях, как гроздья фруктов.

Свет в комнате померк из-за туч, набежавших на солнце. Миссис Уайлд слегка повернулась к Джеймсу, изогнувшись и положив локоть на спинку стула.

Джеймс рассчитывал перевести разговор, превратив его в пустую утонченную болтовню, с минимумом неприятных впечатлений.

Но она продолжила:

— Я очень высокого мнения о путешественниках, хотя бессмысленно подвергать себя таким опасностям, не говоря уже о неудобствах.

Отвечая, Джеймс даже вспыхнул.

— Вы знаете, что меня раздражает? — Откровения так и полились из него, как будто он находился под влиянием веселящего газа. — Сломанный зуб. Могло ли быть хуже? Я не знал, что делать: потерявшийся, больной, готовый умереть, среди людей, с которыми я едва мог объясниться. Я имею в виду, что лучше уж было потерять ногу, руку или носить повязку на глазу. Но нет! Ни одного шрама! Я здоровее и сильнее, чем в день, когда покинул Англию. Но зуб, который я повредил во время одного из бесчисленных происшествий, когда приходилось мазать лицо черной краской, чтобы не привлекать к себе внимания... — Он фыркнул от отвращения. — И в течение часа все это затвердевало... — Он перевел дыхание.

Боже, будь у него достаточно времени, он рассказал бы миссис Уайлд историю своей жизни.

Его рассказ не походил на разговор, имевший место в обществе королевы. Джеймс не поделился с ней своими душевными муками. Сейчас он немного испугался, услышав свои признания, — однако получил особое удовлетворение. Это было правдой — он изливал душу незнакомой женщине в приемной у дантиста только потому, что та, казалось, была способна выслушать и выразить сочувствие.

Он сжал губы, неуверенный в правильности своего поступка.

Дама улыбнулась и слегка наклонилась к нему. Снова его рука ощутила легкое прикосновение ее руки, но она тут же отодвинулась.

— Не переживайте, — сказала миссис Уайлд, словно прочтя его мысли. — Я не буду вспоминать об этом. Я догадываюсь, что вы смущены оттого, что за-

говорили со мной так откровенно. Но поверьте, в этом нет ничего плохого, все поправимо.

Она помахала рукой так, словно отмахивалась от огорчений.

— Я сохраню ваши секреты. Это неприлично, не правда ли, выбалтывать то, что один человек доверил другому? Я хочу сказать, что если вы решите, то расскажете все сами.

Джеймс поспешно ответил:

— Да, вы совершенно правы, благодарю вас.

Миссис Уайлд, улыбнувшись, кивнула, затем подняла свою новую серебряную табакерку с гвоздикой:

— Рада, что мне довелось познакомиться с вами, — проговорила она.

Очаровательная миссис Уайлд встала. Джеймс поднял со стула ее пальто и подал ей. Пальто не было громоздким из-за хорошо обработанного, необычайно мягкого редкого меха. На этикетке, пришитой к атласной подкладке, значилось: «Ворс, Париж». Оторочка на манжетах и воротнике великолепно подходила к маленькой шляпке. Вуаль на ней, усыпанная мельчайшей крошкой черного янтаря, была откинута назад, по-видимому, для того, чтобы миссис Уайлд было удобнее вытирать слезы. Вуаль сверкала и переливалась блестками.

Джеймс уставился на эти блестки, пока его руки ласкали роскошный гладкий мех. Надев пальто, дама плотно запахнула воротник. Повинуясь внезапной прихоти, Джеймс неожиданно сказал:

— Сегодня вечером мне придется идти на прием — в мою честь, естественно. Я буду польщен, если вы согласитесь сопровождать меня.

Она пристально посмотрела на него, вздернув бровь. Ее нежная улыбка стала игривой — наполовину

смущенной, наполовину скептической. Миссис Уайлд ответила:

— Вы очень милый молодой человек.

Она отчетливо выделила слово «молодой».

— И любезный, — сухо добавила она.

Все правильно, он перешел границы дозволенного. Его предложение было слишком фамильярным. Так, словно он подцепил ее на улице. Возвратившись в Англию, Джеймс обнаружил, что находится не в ладах со светскими условностями. Те же правила, которым он неукоснительно следовал еще четыре года назад, теперь стали стеснять его, представляясь глупыми и деспотичными. Почему? Почему он не может пригласить очаровательную женщину на прием, чтобы сделать и себе, и ей приятное?

Она сказала:

— Следует пригласить красивую молодую женщину — составить вам компанию.

Миссис Уайлд неторопливо опустила вуаль на лицо. Ее глаза таинственно блеснули. На какое-то мгновение Джеймсу показалось, что в ее взгляде промелькнула печаль, но затем все исчезло.

— Благодарю вас, — сказала она. Насколько Джеймс мог судить, если только он вообще мог судить о чем-либо трезво, она очень быстро взяла себя в руки. — Пожалуйста, передайте мистеру Лимпету, что я решила пока потерпеть свой ужасный зуб. — Она рассмеялась. — Я так к нему привязана, что не готова с ним расстаться. Может быть, завтра, может быть — никогда. Еще раз благодарю вас, мистер Стокер.

И прелестная миссис Уайлд исчезла.